

МИРОСЛАВ КРАВАР
профессор на покое
Задар, Кидричева 4

УДК 807.5—559.12 : 808.1

О СУЩНОСТИ ГРЕЧЕСКО-СЛАВЯНСКОЙ ВИДОВОЙ АНАЛОГИИ*

А б с т р а к т: В современной аспектологии греческо-славянская видовая аналогия является все еще спорной. Здесь она анализируется сравнительно-типологически с опорой на хорватскую переводную практику. Сведение двух численно весьма различных глагольных систем к минимуму видовых оппозиций приводит к следующим общим выводам:

При глобальной аналогии греческой трехчленной корреляции презентных, аористных и перфектных форм и славянской двучленной корреляции несовершенных и совершенных глаголов существуют и три систематичных расхождения, обусловленных структурными пробелами в двух видовых системах, а именно: 1) греческий аорист, так же как и славянский, покрывает помимо славянского совершенного вида и длительный способ действия вида несовершенного; 2) греческий перфект возмещается славянским перфектом результативно-совершенного вида; 3) греческий нейтральный в видовом отношении простой футурум противостоит славянскому будущему обоих видов. Остальные расхождения между двумя системами — дело свободного оформления видового данного или различного стилистического выбора аналогичных видовых форм.

Сознание о греческо-славянской видовой аналогии как научное достижение сравнительно-исторического языковедения прошлого века представляет собой и в наши дни одно из общих мест современной аспектологии, встречающееся как в специальных работах по глагольному виду, так и в учебных пособиях более широкого применения. Но следует признать, что такой „успех“ учения об аналогии является скорее кажущимся чем действительным, а именно потому, что он несоразмерен, как мы увидим, полученным до сих пор результатам исследования самих языковых фактов. В самом деле, после первых надежных, но слишком общих наблюдений в данном направлении не было достаточно систематических усилий ни в изучении содержания видового соотношения двух видовых систем, ни в определении объема этого соотношения¹.

* Доклад, подготовленный к IX Международному съезду славистов (Киев, 1983).

¹ Показателен в этом отношении и тот факт, что в сборнике Ю. С. Маслова, *Войросы глаголногo вида*, Москва 1962, в главе IV, стр. 321 и сл., трактующей проблемы глагольного вида в ряде неславянских языков, нет работы, посвященной вопросам глагольного вида в греческом языке.

Наряду с общеизвестными трудами в более узких пределах данной области, начиная с первых указаний Й. Навратила² через Г. К. Ульянова³ и А. Мейе⁴ и кончая А. Досталом⁵ в наше время, имеется также ряд менее известных работ, в которых специально трактуются или, по крайней мере, глубже затрагиваются вопросы видового соотношения греческого и славянского глаголов. Таковы, например, работы Э. Черного⁶ в русской научной среде, А. Мусича⁷ в хорватской, А. Раппорта⁸ в польской и Ф. Стибитца⁹ в чешской. Во всех этих трудах учитываются в той или иной мере явления греческо-славянского видового параллелизма, причем наличие в обоих языковых группах категории глагольного вида не подвергается сомнению. Согласно этому воззрению греческие формы презенса соответствуют якобы по видовому значению славянскому несовершенному виду, а греческие формы аориста славянскому виду совершенному, в то время как греческие формы перфекта не имели бы определенного соответствия в славянском глаголе.

Несмотря на то, что такая картина греческо-славянского видового соотношения упрощает гораздо более сложное положение вещей, она встречается в науке и в наше время. Дело в том, что современная аспектология, в частности через капитальные произведения Ф. Миклошича¹⁰, Г. Курциуса¹¹ и Бругманн—Дельбрюка¹², унаследовала общее ядро учения об аналогии. Однако именно в наше время отдельные ученые относятся к нему весьма неодинаково. Так, например, к сторонникам аналогии можно причислить

² J. Navratil, *Beitrag zum Studium des slawischen Zeitwortes aller Dialekte*, Wien, 1865, стр. 5 и сл.

³ Г. К. Ульянов, *Значения глагольных основ в литовско-славянском языке*, II, Варшава, 1895, стр. 284 и сл.

⁴ A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux-slave*, I, Paris, 1902, стр. 6 и сл. и 99 и сл.

⁵ A. Dostál, *Studie o vidovém systému v staroslověnině*, Praha 1954, стр. 48 и сл.

⁶ Э. Черный, Об отношении видов русского глагола к греческим временам, *Журнал Министерства народного просвещения, Отдел классической филологии*, 88 (1876), стр. 3 и сл. и 88 и сл.

⁷ A. Musić, *Perfektivni i imperfektivni glagoli u grčkom i hrvatskom jeziku*, Zagreb 1979/80, стр. 1 и сл.

⁸ A. Rapaport, *Novi Testamenti Graeci verba recipiantne praepositione praefixa vim perfectivae actionis necne* (= *Studia Leopolitana*, 2) Leopoli, 1924, стр. 11 и сл.

⁹ F. Stiebitz, *Studie o slovesném vidu v řečtině novozákonní*, *Věstník KČSN Třída filosoficko-historicko-jazykospytná* 4 (1930), стр. 1 и сл.

¹⁰ F. Miklosich, *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, IV (Syntax) Heidelberg, 1926, стр. 274 и сл. и 290 и сл.

¹¹ G. Curtius, *Das Verbum der griechischen Sprache*, I, Leipzig, 1877³, стр. 2 и сл.; его же, *Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik*, Prag, 1863 стр. 181 и сл.

¹² K. Brugmann и B. Delbrück, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, IV, 2, Strassburg, 1897, стр. 9 и сл.

Э. Кошмидера¹³, условно Г. Гийома¹⁴, затем Дж. Грубора¹⁵, К. Кошмидер—Шмид¹⁶, Е. Куриловича¹⁷, и Г. Гальтона¹⁸, а к более или менее явным противникам Ж. Перро¹⁹, В. Дитриха²⁰ и, в частности, О. Семереньи²¹; но есть и такие ученые, которые в этом вопросе держатся скорее осторожно, как, например, Н. ван Вейк²², Й. Холт²³ и, хотя бы в начале, Ю. С. Маслов²⁴. Отметим еще Г. Шелесникера²⁵ и Е. Сафаревича²⁶, один из которых связь между двумя видовыми системами ищет все еще в сравнительно-историческом плане, а другой различие между ними видит уже на общем семантическом уровне.

В конце этого беглого перечня позиций в учении о греческо-славянской видовой аналогии мне хочется напомнить, что я и сам в одной из своих аспектологических работ затронул проблему, о которой здесь идет речь²⁷. При этом, защищая оправданность данного учения, я указал в то же время и на явления расхождения

¹³ E. Koschmieder, *Zeitbezug und Sprache*, Leipzig, 1929, стр. 47 и сл.; его же, *Aspekt und Zeit* (= *Opera Slavica*, 4), Göttingen 1963, стр. 19 и сл.

¹⁴ G. Guillaume, *Temps et verbe*, Paris, 1929, стр. 105 и сл.

¹⁵ Ё. Grubor, *Aspektna značenja* (= *Rad JAZU* 193 i 195), Zagreb, 1953, стр. 139 и сл. и 259 и сл.

¹⁶ K. Koschmieder-Schmid, *Vergleichende griechisch-slavische Aspektstudien* (= *Slavistische Beiträge*, 13), München, 1967, стр. 21 и сл.

¹⁷ J. Kuryłowicz, *The Inflectional Categories of Indo-European*, Heidelberg, 1964, стр. 24 и сл.

¹⁸ H. Galton, Verbalaspekt im Griechischen und Slavischen, *Folia linguistica* 8 (1975), стр. 147 и сл.; его же, *The Main Functions of the Slavic Verbal Aspect*, Skopje, 1976, стр. 295 и сл.

¹⁹ J. Perrot, Les faits d'aspect dans les langues classiques, *L'information littéraire* 13 (1961), стр. 109 и сл., в част., 154 и сл.

²⁰ W. Dietrich, Der periphrastische Verbalaspekt im Griechischen und Lateinischen, *Glotta* 51 (1973), стр. 188 и сл.

²¹ O. Szemerényi, Unorthodox Views of Tense and Aspect, *Archivum Linguisticum* 17 (1969), стр. 161 и сл.; его же, *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*, Darmstadt, 1970, стр. 286 и сл.

²² N. van Wijk, Sur l'origine des aspects du verbe slave, *Revue des Études slaves* 9 (1929), стр. 237 и сл.

²³ J. Holt, *Études d'aspect* (= *Acta Jutlandica*, 15, 2), Copenhagen, 1943, стр. 13 и сл.

²⁴ Ю. С. Маслов, Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании, *Вопросы языкознания*, Москва, 1962, стр. 7 и сл., в част., 28 и сл. — Надо было отдать должное ленинградскому ученому, который еще двадцать лет тому назад правильно оценил очередные задачи исследования в данной области. Вот его слова: „Соответственно в уточнении нуждалась бы и семантика (а также и „ориентация“) древнегреческой оппозиции „аористического“ и „презентного“ вида (даже независимо от наличия в древнегреческом третьего члена противопоставления — „перфектного вида“)“; там же, стр. 29. Смело надеяться, что настоящий доклад по мере возможности поспособствует решению этих задач.

²⁵ H. Schelesniker, Entstehung und Entwicklung des slavischen Aspektsystems, *Die Welt der Slaven* 4 (1959), стр. 390 и сл.

²⁶ J. Safarewicz, Note sur l'aspect verbal en slave et en indo-européen, *Балканско езикознание* 7, 2 (1963), стр. 25 и сл.

²⁷ M. Kravar, Approche syntaxique en matière d'aspect verbal, *Actes du Xe Congrès international des linguistes*, II, Bucarest, 1970, стр. 961 и сл.

двух видовых систем. В настоящем докладе, который в свою очередь является краткой редакцией более обширного труда по этому вопросу, эта точка зрения разрабатывается несколько подробнее. Здесь вопрос об аналогии ставится как целостная сравнительно-типологическая проблема, т.е. такая, к которой подходить на основе находящегося в распоряжении инвентаря морфосемантических типов видовых оппозиций в рамках двух глагольных систем. В самом деле, только такой, в сущности синхронно-сопоставительный подход к вопросу о видовом соотношении двух языков или языковых групп, рассматриваемых здесь в качестве двух языковых систем, и может рассчитывать на некоторый успех. Дело в том, что две глагольные системы, как мы увидим ниже, вопреки наличию в обеих видового механизма, значительно расходятся в двух общих отношениях, часто вызывающих недоверие насчет аналогии: это, во-первых, их взаимная хронология и, во-вторых, численный состав их единиц. Оба эти расхождения, как действительные факты, должны в дальнейшем быть преодолены методологически.

Сопоставление проводится на материале двух ответвлений двух языковых групп: с одной стороны, аттического наречия древнегреческого языка, представляющего в данном случае греческую семью в целом, и, с другой, хорватского или сербского языка как представителя семьи славянской.

Прежде чем перейти к сопоставительному анализу отдельных типов видовых оппозиций двух глагольных систем, следует остановиться на общих, так сказать, структуральных координатах, внутри которых они анализируются. Здесь приходится различать, как и иначе в подобных случаях, три яруса структуры двух языковых систем: семантический, морфологический и синтаксический, для того, чтобы на различных уровнях чем лучше наблюдать как за сходствами, так и за различиями между ними.

Но нужно было бы, прежде всего, выяснить вопрос о присутствии категории вида в двух сопоставляемых в этом отношении языковых системах. Если ученые, отрицающие наличие вида в славянских языках, как, например, Г. Вейнрих²⁸, весьма немногочисленны, то в отношении греческого случая есть большее число скептиков. Среди них самый уверенный — Семереньи, который, имея в виду греческий язык, между прочим утверждает: „Within the IE family there is no justification for using this term (т.е. „aspect“ — М. К.) for any language except Slavic“²⁹. В данном докладе мы

²⁸ H. Weinrich, *Tempus. Besprochene und erzählte Welt*, Stuttgart, 1971², стр. 288 и сл.

²⁹ *Archivum Linguisticum* 17, стр. 166.

не можем останавливаться на подробном опровержении такого сомнения. Поэтому достаточно будет привести вкратце самые главные доводы в пользу греческого вида, какими являются:

1) категорические свидетельства древнегреческих грамматиков о видовом значении так называемых „временных“ форм презенса, аориста и перфекта, выраженные в определенно видовых терминах³⁰;

2) видовые, так сказать, „контрасты“ греческого глагола, т.е. места в текстах, в которых видовые противопоставления сознательно выделяются как таковые³¹;

3) видовые критерии или пробы, т.е. синтаксические контексты обязательного употребления того или иного члена данной видовой оппозиции³²;

4) аргумент новогреческого языка, в котором глагольный вид, определяемый здесь как „τρόπος τῆς ἐμφανίσεως τοῦ σημαίνοντος ὑπὸ τοῦ ῥήματος“, т.е. „способ проявления того, что обозначается глаголом“³³, пронизывает всю глагольную систему, построенную все еще на видовом противопоставлении „временных“ основ;

5) богатый запас научной литературы, учитывающей так или иначе положение о видовой способности греческого глагола, хотя оно и не получило, как уже говорилось, значения научного аксиома³⁴.

Здесь мы оставим в стороне все эти доказательства как более или менее лишние, чтобы с точки зрения греческо-славянской аналогии специально остановиться на неопровержимом явлении видовой переводимости греческого высказывания на другие знающие вид языки, в том числе и славянские, или, наоборот, славянского высказывания на язык греческий³⁵. В данном случае мы займемся греческо-хорватско-сербскими соотношениями, которые и

³⁰ Ср. в этом отношении высказывания о виде Аполлония Дискола, Περί συντάξεως, III (изд. R. Schneider и G. Uhlig); см. J. Wackernagel, *Vorlesungen über Syntax*, I, Basel, 1926², стр. 150. — Взгляды Дискола в данном отношении гораздо важнее чем учение о времени стоиков и Дионисия Фракийского; ср. также R. Hiersche, „Aspekt“ in der stoischen Tempuslehre?, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 91 (1977), стр. 275 и сл.

³¹ Ср. E. Hermann, Objektive und subjektive Aktionsart, *Indogermanische Forschungen* 45 (1927), стр. 207 и сл., в част., 226 и сл., где дается ряд таких примеров.

³² Для более полного обзора таких критериев ср. M. Kravar, *Neke suvremene dileme oko glagolskoga vida*, *Jugoslavenski seminar za strane slaviste*, 31, Beograd, 1980, стр. 5 и сл., в част., 14 и сл.

³³ А. А. Τζαρτζάνου, *Νεοελληνική σύνταξις*, I, 'Αθήναι, 1953, стр. 129 и сл. О глагольном виде в новогреческом языке ср. J. Seiler, *L'aspect et le temps dans le verbe néo-grec*, Paris 1952.

³⁴ Ср. особенно E. Schwyzger и A. Debrunner, *Griechische Grammatik*, II, München, 1950, стр. 246 и сл.

³⁵ Аналогичные работы по данным новогреческих переводов с славянских языков, которые могли бы быть показательными, нам неизвестны; ср., однако, Koschmieder—Schmid, Указ, соч., стр. 50 и сл., 152 и сл. и 192 и сл., где приводится много ценных данных в этом смысле.

сами, в частности после Мусича, остались без достаточного внимания. Ибо общее положение о греческо-славянской аналогии, несмотря на признание, которым оно пользуется в научных кругах славянских стран, еще далеко не доказано сравнительно-типологически, т.е. в целях получения целостного представления о взаимном соотношении двух видовых механизмов *in actu*, стало быть, в плане их функционирования в речевом тексте. Если и имелись, как уже сказано, попытки в этом направлении, из них не было сделано прочных выводов, которые объясняли бы не только глобальное совпадение двух систем, но и характерные расхождения между ними.

А именно это цель данного доклада.

Итак, нашим отправным пунктом будет положение о наличии категории вида как в славянских языках, так и в греческом, а, следовательно, и о возможности и даже необходимости сравнительно-типологического подхода в данном предмете. Тем самым мы занимаем и определенную позицию в отношении глобального видо-семантического соответствия в двух языках, т.е. видового совпадения греческих форм презенса и аориста с славянскими глаголами несовершенного и совершенного видов, соотносительно, причем и формы греческого перфекта находят себе место в тех же рамках. Впрочем, это общее соответствие можно проследивать во всех трех планах двух глагольных систем — временном, модальном и именном, а сводится оно, как мы увидим, к семантической оппозиции между „парататическим“ и „синтелическим“ видами глагольного действия. Такое более общее противопоставление окажется совместимым как с славянской корреляцией „имперфективных“ и „перфективных“ глаголов, так и с корреляцией греческой „инфективных“ и „конфективных“ форм глагола³⁶.

Значительно труднее обстоит дело с морфологической стороной данной видовой аналогии, определяющейся более материалом чем структурой единиц. Ибо перед нами две глагольные системы, совпадающие явно в категориальном, но не в слово- или формообразовательном отношении. В то время как в греческом языке носителями видовых значений являются праязыковые так называемые „временные“ основы, т.е. основы презенса, аориста и перфекта, причем вид выражается в глагольных формах, в славянских языках это имеет место через отдельно-языковые лексические основы глаголов обоих видов, так что вид и выявляется в глагольных словах. А это значит, что лексическая обремененность видовых форм в двух языках неодинакова. Причинам такого положения вещей не трудно догадываться, поскольку известно, что

³⁶ Термины „парататический“ и „синтелический“ виды (греч. *παράτείνω* „протягиваю“ и *συντελέω* „совершаю“) восходят к Аполлонию Дисколу, Указ. соч., III, между тем как термины „инфективный“ и „конфективный“ в применении к греческому глаголу принадлежат Дербруннеру; см. Schwyzger—Debrunner, Указ. соч., стр. 252 и сл.

между двумя системами, не связанными друг с другом в смысле историческо-генетической преемственности, проходит диахронное расстояние около двух тысячелетий, вызвавшее глубочайшие структурные сдвиги между ними. Поэтому не удивительно, что две системы явно расходятся и численным составом их единиц: тогда как греческий глагол проявляется приблизительно в 620 формах, глагол славянский в хорватскосербской разновидности знает их только около 75³⁷. При таких обстоятельствах наш сравнительно-типологический подход к данной проблеме мог бы показаться едва ли возможным, если не и совсем безвыходным.

*

Однако, как это показывает вековая практика успешной переводной деятельности в области двух языков, две глагольные системы — при всех морфологических различиях, а в силу категориально-семантического сходства — в общем аналогичны на функционально-синтаксическом уровне. Это относится и к их видовым структурам, которые, функционируя аналогично, в основном взаимно переводимы, причем и сами различия остаются в пределах общего сходства. Стало быть, данная видовая переводимость должна покоиться на какой-то имманентно-структурной основе, общей обоим системам. Такую общую основу мы находим в отмечавшемся уже типологическом составе видовых оппозиций двух языков, количество которых, вопреки их поразительному расхождению в совокупной численности единиц, не менее поразительно ограничено, насчитывая в обоих случаях не более десятка типов, причем греческий конъюнктив, которого в славянских языках не существует, описывается, а оптатив покрывает два хорватскосербских наклонения, желательное и условное.

Это следующие греческо-хорватскосербские видовые соответствия³⁸:

I. Временной план (т.е. индикатив):

1. ποιῶ, -εῖς : ὅ : πεποιήκα = *činim* : (*učinim*) : *učinio sam*₁
2. ἐποίουν : ἐποίησα : ἐπεποίηκεν = *činjah* : *činih*/*učinih* : *bijah* *učinio*₁
3. ποιήσω -εις : πεποιήκως ἔσομαι = *činit* *ću*/*učinit* *ću* : **bit* *ću* *učinio*₁.

³⁷ Во внимание принимаются все имеющиеся в распоряжении формы одного и того же глагола, напр. ποιῶ или *činiti*.

³⁸ Здесь приводятся на основе греческого состава только формы активного залога, которые в медиально-пассивном повторяются. Не показываются особо, будучи описательными, формы ирреала и нейтральные в видовом отношении глагольные прилагательные на -τος и -τέος. Показатель (1) обозначает формы хорватскосербского перфекта в их видовом значении достигнутого состояния, а (2) те же формы в их относительно-временном значении предшествующего действия; (0) — формы нейтральные.

II. Модальный план:

1. то же, что I

2. ποιῶ -ῆς : ποιήσω -ης : πεποιήκω = (da) činim/budem činio₂ : učinim : budem učinio₁3. ποιοῦμι : ποιήσασιμι : πεποιήκοιμι = činio/činio bih : učinio/učino bih : *bio učinio₁/*bio bih učinio₁4. ποίει : ποίησον : πεποίηκε = čini : učini : *budi učinio₁.

III. Именной план:

1. ποιῶν : ποιήσας : πεποιηκώς = čineći : činivši/učinivši : *(budu-ći) učinio₁2. ποιῶν : ποιῆσαι : πεποιημένοι = činiti : učiniti : *biti učinio₁.

Данный обзор соответствий в рамках видового инвентаря двух глагольных систем послужил общим планом нашего сравнительно-типологического анализа, хотя и является, в самом деле, его своего рода предварительным результатом. В нем преодолены, как мы видим, два очевидных расхождения между двумя системами, о которых говорилось выше: одно, относящееся к их различной хронологии, и другое, касающееся их различного численного состава. Первое из них преодолевается самим применением сравнительно-типологического или, иначе говоря, сопоставительного метода, предполагающего, что дело идет как будто о двух одновременных глагольных системах, а в отношении другого постулируется следующим образом: так как при приблизительно одинаковом количестве видовой оппозиции двух систем, в одном случае трехчленных, а в другом двучленных, имеется неодинаковое число единиц, т.е. в греческой значительно большее чем в хорватско-сербской, то как исходный пункт берется, конечно, греческий численный состав, причем хорватско-сербский недостаток пополняется второстепенными, чаще всего сложными или, за отсутствием таковых, переводно-искусственными формами аналогичного значения³⁹. Это основа, на которой покоится наш сопоставительный анализ морфосемантических типов двух видовой инвентарей.

Хорошо известно, что употребление видовой форм в одних синтаксических условиях обязательно, а в других факультативно, т.е. в пределах видовой корреляции свободно. Это установлено в области славянского вида еще А. Мазоном для русского глагола⁴⁰, Кошмидером для польского⁴¹ и Р. Г. Ружичем для хорватско-серб-

³⁹ Такие формы обозначены в таблице звездочкой.

⁴⁰ А. Mazon, *Emplois des aspects du verbe russe* (= *Bibliothèque de l'Institut français de Saint-Petersbourg*, 4), стр. 87 и сл.

⁴¹ Е. Koschmieder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy* (= *Rozprawy i materiały wydziału I Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie*, 5, 2), Wilno, 1934, стр. 49 и сл.

ского⁴², тогда как греческий вид в этом отношении исследован особенно Ж. Гембером⁴³. Обязательные употребления, в частности, видовые „критерии“ или пробы, являются видовыми контекстами, включающими только одно из видовых значений данной оппозиции, между тем как свободные контексты допускают видовой выбор; кроме того, известны и случаи видовой нейтрализации, т.е. безразличного употребления разных членов оппозиции, равносильного отсутствию видового признака.

Если это так, то нужно ожидать, что такие же особенности видового употребления будут проявляться и в пределах греческо-славянской видовой аналогии, а именно таким образом, что употребление видовых единиц двух систем в обязательных контекстах должно совпадать, а в факультативных нет.

Рассмотрим коротко в этом отношении приведенные выше видовые соответствия двух систем⁴⁴.

В временном плане, т.е. в рамках индикатива, мы имеем дело с тремя временными сферами: настоящим, прошлым и будущим.

В сфере настоящего, как принято, следует различать настоящее актуальное и неактуальное. Актуальное настоящее, обладающее силой „презентного критерия“ *hic et nunc*, является как таковое „паратазой“ и тем самым контекстом обязательного соответствия между двумя системами, причем греческий презенс совпадает с хорватскосербским, как и вообще славянским, настоящим несовершенным, следовательно, *поиѡ = ċinim*. Что же касается „синтелезы“ в настоящем, то она немислима, так что „настоящее совершенного вида“, несовместимое с данным контекстом, в греческом не образуется, а в хорватскосербском именно здесь неупотребительно, т.е. *ø* (как **поиѡ*, *-eis* или **ѡпѡ*, *-eis*, **ѡпѡ*, *-eis* и т. п.) = (*uċinim*). Греческому перфекту как форме настоящего времени соответствует хорватскосербский перфект, но только от глаголов, сводимых к результативному значению, или, за недостатком таких, презентные выражения подобного смысла: так *πεποηκα = uċinio sam₁*, как *τεθνηκα = umro sam₁* в смысле „*mrtav sam*“⁴⁵. Другое дело — неактуальное настоящее как контекст факультативного употребления видовой оппозиции, в котором греческий презенс находится опять в соответствии с хорватскосербским настоящим несовершенным, тогда как хорватскосерб-

⁴² R. H. Ružić, *The Aspects of the Verb in Serbo-Croatian*, Berkeley and Los Angeles, 1943, стр. 15 и сл.

⁴³ J. Humbert, *Syntaxe grecque*, Paris, 1954², стр. 134 и сл.

⁴⁴ Отметим, что полная версия данной работы содержит надлежащий корпус примеров, который здесь, в рамках устного доклада, опускается. Вместо этого дается краткое толкование приведенного выше обзора видовых соответствий.

⁴⁵ Здесь греческий перфект трактуется как видовой разряд результативного действия или „достигнутого состояния“, несмотря на его спорное семантическое развитие; см. об этом И. А. Перельмутер, *Общеиндоевропейский и греческий перфект*, Ленинград, 1977, стр. 5 и сл. и 31 и сл.

скому настоящему совершенному противостоит, хотя и необязательно, греческий вневременный или, иначе, „гномический“ аорист, напр. ἐποίησα = *učinim* вместо возможного *učinih*⁴⁶. Неактуальное употребление перфекта, в обоих языках довольно редкое, также параллельно.

При употреблении настоящего времени в контексте прошлого, стало быть, особенно в случае настоящего исторического, полного соответствия нет, так как в греческом, подобно как и в русском, имеется в распоряжении один презенс или настоящее несовершенное, а в хорватско-сербском настоящее обоих видов, т.е. ποιεῖ = *činim/učinim*, причем различие между ними — в жанрово-стилевом плане⁴⁷. И исторический перфект в обоих языках возможен, хотя не очень-то част.

Употребление настоящего времени в контексте будущего также нарушает аналогю: в греческом встречается опять один презенс, напр. εἶμι, впрочем, очень редкий, а только в стилистическом употреблении аорист и даже перфект, напр. ὄλολυν или βλώλα, между тем как в хорватско-сербском налицо настоящее обоих видов, напр. *idem* : (*ako*) *pođem*, причем совершенное только в подчиненном употреблении; помимо того, на стилистическом плане, возможны также аорист и перфект совершенные, как *pro-padoh* или *pro-pao sam*.

В сфере прошлого греческая оппозиция имперфекта и аориста находится в глобальном видовом соответствии с одноименными хорватско-сербскими формами, соответственно, несовершенного и совершенного видов, стало быть, ἐποιοῦν = *činjah*, а ἐποίησα = *učinih*, тогда как хорватско-сербское давнопрошедшее время лишь в своем значении достигнутого результата или состояния равнозначно греческому плюсквамперфекту, т.е. ἐπέποιήκειν = *bijah učinio*₁ в смысле ἐτεθνήκειν = *bijah umro*₁ „*bijah mrtav*“. Плюсквамперфекта как относительно-прошедшего времени в греческом, конечно, нет; хорв.-серб. *bijah činio*₂ : *bijah učinio*₂ в таком значении передается греческим имперфектом или аористом в определенном контексте предшествования.

Однако в греческом языке видовая оппозиция имперфекта и аориста менее отчетлива чем в хорватско-сербском, так как упот-

⁴⁶ Холт, Указ. соч., стр. 57 и сл., считает презенс, как греческий, так и славянский, нейтральным в видовом смысле. Это мнение разделяют также Серенсен относительно славянских фактов и Санчес Руйперес относительно греческих; ср. Н. Ch. Sørensen, *Aspect et temps en slave*, Aarhus, 1949, стр. 135 и сл., и М. Sánchez Ruipérez, *Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo*, Salamanca, 1954, стр. 101 и сл. Надо отметить, что такое мнение не считается ни с контекстными ограничениями ни с стилистическим употреблением презенса, да и других форм.

⁴⁷ Ср. А. В. Бондарко, Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида, *Славянское языкознание*, Москва, 1959, стр. 48 и сл., и Sánchez Ruipérez, Указ. соч., стр. 147, опять-таки без учета стилистического момента.

ребление того или иного вида, особенно в повествовании, часто предоставляется свободному выбору со стороны говорящего.

Что же касается более близкого в рамках глобальной аналогии соответствия имперфекта и аориста в двух системах, то именно здесь обнаруживается одно из систематических расхождений между ними. В то время как имперфект как носитель парататического вида в прошлом в обоих языках в общем однозначен, т.е. $\epsilon\pi\omicron\lambda\upsilon\omicron\nu = \text{činjah}$, в аористе проявляется частичное расхождение, а именно соотношение $\epsilon\pi\omicron\lambda\eta\varsigma\alpha = \text{činih/učinih}$, в котором греческий аорист покрывает аорист славянский в целом, следовательно, обоих видов⁴⁸. Такое явление расщепления греческого аориста на оба славянских вида характерно для примеров вроде греч. $\epsilon\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma\alpha = \text{хорв.-серб. а) „zakraljih se“}$, т.е. „postadoh kralj“ и б) „bih kralj“ в смысле „столько-то времени“ или просто „kraljè-vah“ в отличие от имперфекта $\epsilon\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\omicron\nu = \text{kraljeväh}$. Это существенное расхождение между греческим аористом как носителем синтетического „правида“ и славянским аористом того же исконного значения, но вмещающим в себе и оба разряда нового „вида“, свойственно не только индикативу греческого аориста, но и всем его косвенным формам в их отношении к славянскому глагольному виду. Многие сторонники греческо-славянской видовой аналогии, в том числе Ульянов, Мейе, Мусич, Кошмидер и Грубор, обошли молчанием это бросающееся в глаза расхождение⁴⁹. О нем здесь будет идти речь ниже.

В сфере будущего, где греческий язык в простом футуруме не знает видового противопоставления, нет и видового соотношения между нейтральным греч. $\pi\omicron\lambda\eta\varsigma\omega, -\epsilon\iota\varsigma$ и хорв.-серб. $\text{činit ču /učinit ču}$. В отношении футурума экзактного сложному греч. $\pi\epsilon\pi\omicron\lambda\eta\kappa\omega\varsigma \text{ έσομαι}$ соответствует переводное и мало употребительное хорв.-серб. bit ču učinio_1 (как $\tau\epsilon\theta\nu\eta\zeta\omega = \text{„bit ču mrtav“}$); греческая форма, конечно, лишена значения предшествующего будущего, так что хорв.-серб. $\text{budem činio}_2 : \text{budem učinio}_3 (= \text{„učinim“})$ в таком значении соответствует греческому конъюнктиву презенса или аориста.

Уже здесь, в плане индикатива, поучительны разного рода видовые критерии, т.е. синтаксические контексты постоянного употребления того или другого члена видовой оппозиции. Таковыми являются, между прочим, различение между действием общего и частного характера, одно из которых выражается, как правило, парататически, а другое синтетически. Сюда относятся, в частности, некоторые союзы времени, выступающие в роли видовых проб; так, например, греч. $\epsilon\nu \tilde{\omega} = \text{хорв.-серб. dok}$ (в смысле нем. „während“), требующие в обоих случаях парататического вида,

⁴⁸ Ср. М. Kravar, *Actes du X Congrès*, стр. 920 и сл.; см. также В. Ф. Дубровина, Об одном типе употребления древнегреческого аориста, *Вопросы языкознания* 7, 4 (1959), стр. 86 и сл., где речь идет о „длительном“ аористе.

⁴⁹ Особенно Мусич настаивал на полноте греческо-славянского видового параллелизма; ср. А. Musić, *Grčka gramatika*, Zagreb, 1927, стр. 223 и сл.

или $\epsilon\pi\epsilon\iota\ \pi\rho\acute{o}\tau\omega\nu$ = хорв.-серб. *čim* (нем. „sobald“) и $\xi\omega\varsigma$ = хорв.-серб. *dok ne* (нем. „bis“), требующие вида синтетического, в то время как при нейтральном греч. $\delta\tau\epsilon$ = хорв.-серб. *kad* именно вид формы или глагола определяет и относительно-временной смысл действия.

В модальном плане в более узком смысле слова, т.е. вне уже рассмотренного индикатива как носителя временных значений, стало быть, в греческом конъюнктиве и его хорватско-сербских по преимуществу описательных заменах или оптативе и хорватско-сербским желательном и условном наклонениях, видовая аналогия двух систем проявляется особенно ярко как в самостоятельных, так и в подчиненных употреблении, причем соотношения $\pi\omega\iota\acute{o}$, $-\eta\varsigma$: $\pi\omega\iota\acute{o}\psi\omega$, $-\eta\varsigma$: $\pi\epsilon\pi\omega\iota\acute{o}\eta\kappa\omega$ = (*da*) *čini*m/*budem* *činio*₂ : *učinim* : *budem* *učinio*₁ и $\pi\omega\iota\acute{o}\psi\mu$: $\pi\omega\iota\acute{o}\eta\sigma\alpha\mu$: $\pi\epsilon\pi\omega\iota\acute{o}\eta\sigma\alpha\mu$ = *činio*/*činio* *bih* : *učinio*/*učinio* *bih* : **bio* *učinio*₁/*bio* *bih* *učinio*₁ являются правилом, если исключить аорист типа $\epsilon\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$, т.е. $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\omega$ $-\eta\varsigma$ или $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\mu$. И здесь упомянутые выше союзы времени играют роль видовых критериев, как в рамках двух систем, так и в плане видовой аналогии между ними.

То же самое относится и к императиву, который встречается, конечно, только в самостоятельном употреблении; и здесь, за исключением аористного $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\omega\nu$, действует общее соответствие $\pi\omega\iota\acute{o}\iota$: $\pi\omega\iota\acute{o}\eta\sigma\omega\nu$: $\pi\epsilon\pi\omega\iota\acute{o}\eta\kappa\epsilon$ = *čini* : *učini* : **budi* *učinio*₁. Однако, в силу субъективного характера таких значений, как „приказ“ и „запрет“, здесь имеют место и нередкие, обусловленные стилистическим выбором расхождения⁵⁰.

Наконец, в плане глагольного имени, т.е. в причастии и инфинитиве, наличие видового параллелизма между двумя системами также бросается в глаза, если отвлечься от того факта, что греческие формы причастия лишь частично соответствуют хорватско-сербским деепричастиям (почему их удобнее сопоставлять с русскими причастиями). В рамках причастия, включая на этот раз и аористное $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\varsigma$, налицо соответствие $\pi\omega\iota\acute{o}\nu$: $\pi\omega\iota\acute{o}\eta\sigma\alpha\varsigma$: $\pi\epsilon\pi\omega\iota\acute{o}\eta\kappa\acute{\omega}\varsigma$ = *čineći* : *čini*vši/*učinivši* : **(budući)* *učinio*₁. Стоит привести случай разнообразных причастных оборотов вроде греческого генитива абсолютного, где видовые формы причастий получают и относительно-временной смысл, или наречие $\alpha\mu\alpha$ „вместе“ при причастии разных видов в той же функции, и т.д. — все в соответствии с хорватско-сербским глагольным видом.

Таким же образом идет себя и инфинитив, где, не считая аористного $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\iota$, существует соответствие $\pi\omega\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$: $\pi\omega\iota\acute{o}\eta\sigma\alpha\iota$: $\pi\epsilon\pi\omega\iota\acute{o}\eta\kappa\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$ = *činiti* : *učiniti* : **biti* *učinio*₁. Так бывает в частности, при так называемых „фазовых“ глаголах, как *начина́ть*/*нача́ть*,

⁵⁰ Это не удивляет, если иметь в виду, что даже и между родственными, языками, такими, как хорватско-сербский и русский, отмечены подобные расхождения; ср. М. Kravar, *Glagolski vid kao tipološko-komparativni problem*, *Radovi Filozofskoga fakulteta u Zadru* 14—15 (1975/1976), стр. 286 и сл. и, в част., 309.

продолжайтъ/продолжишь и *переставать/перестать*, которые в обоих языках, за редкими исключениями в греческом, требуют дополнения в том же парататическом виде⁵¹.

Данная сравнительно-типологическая трактовка употребления форм двух видовых систем показывает, что они на синтаксическом уровне функционируют в принципе аналогично, но при трех частных расхождениях, заключающихся в некоторых структурных пробелах внутри самих систем. Это, во-первых, проявляющаяся в аористе дефективность славянского совершенного вида, не знающего длительного способа действия, во-вторых, видовая нейтральность греческого простого футурума, покрывающего оба вида соответствующей славянской формы, и, в-третьих, выделенное положение греческого перфекта как носителя особого видового значения, передающегося славянским перфектом как временной формой результативно-совершенных глаголов или однозначными презентными выражениями. Остальные же различия между двумя системами — факты явно второстепенной природы, т.е. либо свободного оформления видового данного, либо различного стилистического выбора аналогичных видовых единиц.

Здесь греческо-славянская видовая аналогия проверяется, как уже отмечено, с точки зрения опыта хорватской переводной практики, причем система хорватскосербского глагола служит основной сопоставления. Само собой разумеется, что в тех же целях в деле глагольного вида мог бы послужить любой из славянских языков, но по отношению к другим чертам глагольной системы не все равно, о каком именно языке в данном случае идет речь. Нам кажется, что хорватскосербский язык, сохраняющий простые претериты и обладающий особыми формами будущего времени, стоит ближе к системе древнегреческого глагола чем те из славянских языков, которые либо потеряли простые претериты, как восточные, большая часть западных и словенский, либо дополнили их новыми значениями, как болгарский и македонский, или же те, которые не разграничивают четко настоящего времени от будущего, как все другие кроме южных.

По таким соображениям здесь именно хорватскосербский язык и выбран основой сопоставительного анализа.

*

Рассмотрим теперь более подробно это несколько сложное соотношение двух видовых систем⁵².

Первое, что бросается в глаза, это то обстоятельство, что две видовые системы, как уже подчеркивалось, в неодинаковой

⁵¹ Ср. Hermann, Указ. соч., стр. 228, с указанием на греческо-славянское соответствие.

⁵² Термин „система“ в применении к славянскому глагольному виду, стоящему на рубеже между грамматической „системой“ и лексическим „множеством“, употребляется нами условно.

мере морфологизированы, а именно как по отношению к уровню языковой системы, на котором они строятся, так и по отношению к числу единиц, на которые они расчленяются. В то время как греческая трехчленная видовая корреляция между формами презентной, аористной и перфектной основами, следовательно, $\text{ποιῆν} : \text{ποίησαι} : \text{πέποιχέναι}$, факт чисто морфематический, славянская двучленная видовая корреляция между несовершенными и совершенными глаголами, т.е. $\text{činiti} : \text{učiniti}$ или $\text{ročiniti} : \text{roč-njati}$, остается более или менее на лексематическом уровне. Иными словами, две видовые системы различаются между собой прежде всего в плане морфологической структуры несмотря на то, что обе они грамматикализированы, хотя и не в равной мере, как мы увидим ниже. Ибо степень морфологической грамматичности, т.е. внедренности видовых морфем в механизм спряжения, в двух случаях неодинаков: в греческом языке видовая оппозиция является конечной системой форм внутри спряжения, а в языках славянских они находятся на его рубеже как бесконечное множество слов разного способа взаимного спаривания⁵³.

Показательна в этом отношении также различная роль префиксов или, иначе говоря, превербов в двух языках. В греческом, где приставочные глаголы едва ли реже чем в славянских языках, они, однако, остаются на лексематическом уровне способа действия, тогда как в последних, по крайней мере функционально, они подняты на грамматический уровень вида, да и то довольно неупорядоченным образом⁵⁴.

Словом, греческий видовой механизм морфологически гораздо компактнее, а тем самым и систематичнее чем славянский.

Несмотря на это, морфологическое расхождение между греческими видовыми формами и славянскими глаголами двух видов не является решающим для их функционального параллелизма, в частности, если иметь в виду, что видовые морфемы, как греческие, так и славянские, покоятся отчасти на общих образованиях способа действия, которые в двух системах по-разному структурированы⁵⁵. Более затруднительно различие между двумя родами вида в том, что греческая корреляция трехчленна, а славянская

⁵³ Это важное различие между двумя видовыми системами часто упускается из виду. Попытка Мусича, *Perfektivni i imperfektivni glagoli*, стр. 6 (также устно в лекциях), трактовать греческие видовые пары, как, например, $\text{*δῶμι} : \text{δίδωμι}$, в качестве отдельных глаголов не нашла в науке последователей.

⁵⁴ Ср. J. Brunel, *L'aspect verbal et l'emploi des préverbes en grec, particulièrement en attique*, Paris, 1939, стр. 3 и сл.; см. в том же смысле отрицательные результаты Рапапорта, Указ. соч., стр. 88 и сл., и Стибитца, Указ. соч., стр. 60 и сл.

⁵⁵ Имеются в виду праязыковые классы основообразующих формантов, являющихся отчасти общими глаголу двух языков. Впрочем, вопрос о якобы „праязыковом“ характере глагольного вида, имеющегося только в отдельных группах индоевропейских языков, можно в наше время считать снова открытым; ср. F. Rodríguez Adrados, *Evolución y estructura del verbo indoeuropeo*, Madrid, 1963, стр. 327 и сл.

двучленна, причем греческому перфекту как видовой форме противостоит славянский перфект как форма уже временная. Но и такое различие в функциональном отношении не непреодолимо, поскольку значение греческого перфекта передается по преимуществу славянским перфектом глаголов результативно-совершенного вида.

Более того, существуют в пределах видовой морфологии и некоторые частности общие обоим языкам. Таковы, прежде всего, явления видовой дефективности, напр. греч. εἶμι, φέρω, τρέχω и т. п. как *presentia tantum* в соответствии с хорв.-серб. *ići, positi, imati* и т. п. как *imperfectiva tantum*, или видового супплетивизма, напр. греч. λέγω : εἶπον : ἐφρηχα, ὀράω : εἶδον : ὅπωπα, ἐρχομαι : ἦλθον : ἦκα и т. п. в противовес хорв.-серб. *govoriti : reći* или русс. *браить : взять, ловить : поймать* и т. п., или же видовой нейтральности, напр. греч. ἐφην, гом. ἐκλον, ἐκλυον и т. п. как имперфект и аорист наподобие хорв.-серб. *ručati, krstiti, štampati/tiskati* и т. п. как глаголов „общего“ вида, и т. д.

Во всяком случае, две видовые системы, вопреки крупным различиям и мелким сходствам в морфологической структуре, совпадают в отношении основного семантического содержания видовой корреляции: обе они являются выражением протекания глагольного действия при двух противоположных знаках, т. е. как противопоставление, по метким словам Аполлония Дискола, действия ἐν παρτάσει-действию ἐν συντελείᾳ⁵⁶, хотя при этом, как мы сразу увидим, реализация, т. е. состав и распределение общего семантического набора единиц, частично различна в двух языках. Именно это категориальное тождество семантического содержания вида в его двух проявлениях и делает возможным аналогичное „поведение“ различных в формальном отношении видовых структур на функционально-синтаксическом уровне, стало быть, в рамках предложения как единицы грамматического анализа.

Однако немалое препятствие в пределах функционально-синтаксического параллелизма двух видовых систем в том, что в славянских языках два простых претерита, имперфект и аорист, насколько еще живы, явно сходятся как члены праязыковой корреляции вида или, точнее, „правида“, с собственно славянским „видом“⁵⁷. Такой случай имеется в хорватско-сербском языке, где обе формы в видовом отношении двояко противостоят друг другу: с одной стороны, в смысле правидовой корреляции, обозначаемой нами условно как „неограниченное“ и „ограниченное“ действие, и, с другой, в смысле нового вида, т. е. корреляции действия „несовершенного“ и „совершенного“, причем обе они по существу тождественны. Таким образом, в славянской глагольной системе, в частности, в ее хорватско-сербской разновидности, семантические пережитки правиды скрещиваются с живой семантикой нового вида, что

⁵⁶ Brugmann-Delbrück, Указ. соч., стр. 1 и сл.

⁵⁷ См. об этом особенно у Серенсена, Указ. соч., стр. 139 и сл., и Шелесникера, Указ. соч., стр. 391 и сл.

в случае имперфекта, т.е. „неограниченно-несовершенного“ действия, оказывается как согласование, а в случае аориста, т.е. действия „ограниченно-совершенного“ или „ограниченно-несовершенного“, то как согласование, то как столкновение двух видовых корреляций⁵⁸. Отсюда вытекает, что при основном совпадении имперфекта в двух языках греческому аористу как носителю своего видового разряда соответствует не славянский перфектив как таковой, а славянский аорист, а именно в обоих видовых формах. Такое соотношение двух глагольных систем в сфере простых претеритов чревато последствиями в плане греческо-славянской видовой аналогии вообще. Если смотреть на него с точки зрения славянской двучленной системы, не упуская, все-таки, из виду трехчленности системы греческой, его можно представить в следующей схеме:

ἐπορεύον	:	ἐποίησα	:	πεποίηκα
		└───┬───┘		
činja ₁	:	činih učinih	:	učinio sam ₁
		činio sam ₂		učinio sam ₂

Иными словами, в то время как греческий имперфект соответствует имперфекту славянскому, в том числе и хорватско-сербскому, а греческий перфект славянскому перфекту результативно-совершенного вида, греческий аорист стоит на грани между двумя разрядами славянского вида. Это значит, что данная черта расхождения между двумя системами проходит как раз через аорист, как славянский, расчленившийся на оба вида, так и греческий покрывающий своим правилковым значением не только славянский совершенный вид, но и ограниченно-несовершенную часть славянского аориста, т.е. аорист несовершенного вида. Поэтому видовое значение греческого аориста явно шире чем аналогичное значение славянского перфектива⁵⁹.

Вот как, на наш взгляд, следует объяснять данное соотношение:

Общее значение греческого аориста как выражения конфективного вида реализуется, как известно, в трех частных „подвидовых“ значениях в зависимости от способа действия того или иного глагола: ингрессивном или начинательном, комплексивном или охватительном и эффективном⁶⁰. Это можно иллюстрировать на примере двух семантически близких глаголов, таких как длительный или „непредельный“ δοῦλεώ „говужет“ и недлительный или

⁵⁸ Это относится, в частности, к таким из славянских языков, как болгарский и македонский, где простые претериты и разговорно живы; ср. С. Стоянов, *Грамајтика на бѣларския книжовен език*, София, 1964, стр. 354 и сл., и Б. Конески, *Грамајтика на македонскиот литературен јазик*, II, Скопје, 1967, стр. 423 и сл.

⁵⁹ Ср. также Ю. С. Маслов, К основаниям сопоставительной аспектологии, *Вопросы сопоставительной аспектологии*, Ленинград, 1978, стр. 4 и сл. и, в част., 34.

⁶⁰ Schwyzler—Debrunner, Указ. соч., стр. 260 и сл.

„предельный“ $\delta\omicron\upsilon\lambda\acute{o}\omega$ „porobljujem“. В аористе двух глаголов получаются три только что указанных оттенка: 1) начинательный $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ „*zarobovah“ (т.е. „postadoh rob“; ср. $\acute{\epsilon}\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ „zakraljih se“); 2) эффе́ктивный $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\omega\sigma\alpha$ „porobih“ и 3) охватительный $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ „*odrobovah“, т.е. „robðvah“ в смысле „столько-то времени“ (ср. $\acute{\epsilon}\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ „kraljèvah“) + $\ast\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\omega\sigma\alpha$ „porobljivah“, также в смысле „столько-то времени“. Так как в славянских языках глаголы состояния, отличающиеся как таковые длительным способом действия, напр. *robovati*, являются как правило *imperfectiva tantum*, т.е. не имеют парной формы совершенного вида, какой были бы несуществующие **odrobovati*, **porobovati*, **porobovati* и т. п., то они и в аористе встречаются только в несовершенном виде. Таким образом, в сфере прошлого получается следующая картина:

$\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\omicron\nu$ \mid $r\acute{o}b\omicron\nu\grave{a}h$	:	$\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ \mid $\ast zarobovah / \ast odrobovah$	и	$\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu\nu$ \mid $por\acute{o}b\grave{b}ljiv\grave{a}h$	:	$\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\omega\sigma\alpha$ \mid $por\acute{o}b\grave{b}ih / porobljivah$

Однако, за отсутствием глаголов **zarobovati* и **odrobovati* первый из них обыкновенно описывается — „postadoh rob“ (но ср. $\acute{\epsilon}\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ „zakraljih se“), а вместо второго употребляется несовершенный *robovati* и в аористе, следовательно, „robðvah“, т.е. „столько-то времени“ (так же как $\acute{\epsilon}\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ „kraljèvah“), причем во втором случае греческий аорист передается не славянским перфективом, а аористом несовершенного вида.

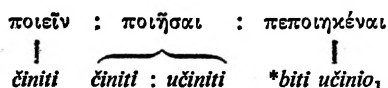
Отсюда видно, что греческий аорист двумя третьями своего видового объема „поглощает“, так сказать, две части славянского совершенного вида, т.е. его начинательное и эффе́ктивное значения, оставляя третью — результативное, перфекту, тогда как его третья треть, т.е. охватительное значение, в самом деле, ограниченно-длительное, редко появляющееся в совершенном, остается в пределах славянского несовершенного вида. Это именно тот с греческой точки зрения „охватительный“ подвид аориста, а с славянской длительный способ действия несовершенного вида, который в обоих случаях входит в семантическую орбиту аориста вроде греч. $\acute{\epsilon}\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$, однозначного с хорв.-серб. *kraljèvah* вместо **otkraljevah*. Но следует подчеркнуть, что в греческом языке в значении охватительного аориста выступают, помимо глаголов состояния, длительных как таковых, и все остальные глаголы, поскольку употребляются в длительном значении, стало быть, не только $\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\omega$, аор. $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ в смысле „robðvah“ (т.е. „столько-то времени“) но и $\delta\omicron\upsilon\lambda\omega$, аор. $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\lambda\omega\sigma\alpha$ в смысле „porobljivah“ (также „столько-то времени“) наряду с той же формой в эффе́ктивном смысле „porobih“, причем первое, ограниченно-длительное значение опять остается за пределами славянского совершенного

вида⁶¹. Здесь перед нами, по-видимому, скрещение двух фаз видового представления, а именно самого протекания глагольного действия и его предметного эффекта. Это можно представить схематически следующим образом (*c* = протекание, а *e* = эффект)⁶²:

Эта схема вскрывает тот факт, что в двух видовых системах при общем тождестве имперфекта как носителя парататического вида, т.е. греческого презентного и славянского несовершенного, выражающего „протекание“ действия в прошлом, синтетический вид, т.е. греческий аористный и славянский совершенный, выражающий „протечение“ действия в прошлом, реализуется отчасти по-разному. Ибо в греческом аористе, так же как и в славянском, центр тяжести лежит на протечении действия несмотря на его эффект, данный в способе действия того или иного глагола, тогда как в славянском перфективе, уже обремененном по большей части оттенком результативности, акцент на самом эффекте. Этим, по-видимому, и объясняется способность славянского глагола передавать посредством совершенного вида как греческий аорист, так и греческий перфект.

Ввиду того, что видовые значения греческого аориста, в том числе и охватительное, свойственны не только временным формам индикатива, но также и модальным и именным, то упомянутое выше семантическое расхождение между двумя видовыми системами охватывает весь состав греческого аориста в его отношении к славянскому перфективу. Это можно представить на примере инфинитива как общее соотношение:

Отсюда следует, что именно длительные и другие в длительном употреблении глаголы являются тем „камнем преткновения“, который делает невозможным ставить всегда знак равенства между видовыми значениями греческого аориста, присущими и аористу славянскому, и славянского совершенного вида. Но так как охватительное значение греческого аориста только одно из трех воз-

⁶¹ В аористе ἐδούλωσα „porobih“ и „porobljivah“ второе значение становится, все-таки, ясным только на основе контекста; ср. Galton, *Folia* 8, стр. 153 и сл.

⁶² Объяснение: —————→ = парататический, —————| = синтетический и —————o = перфектный виды.

можных, а притом и не очень-то частое, видовая аналогия все же сохраняется в поражающем большинстве случаев.

Обратной является картина соотношения греческого аориста и перфекта, взятых вместе, и славянского совершенного вида, который, как видно из данной выше схемы, в свою очередь стоит на рубеже между двумя видовыми разрядами греческого глагола, причем он, если отвлечься от его результативного оттенка, примыкающего к перфекту, передает, как уже говорилось, и две трети греческого аориста.

Однако на данных схемах видно и то, что не безразлично, с точки зрения какого из славянских языков рассматривается греческо-славянское видовое соотношение. Между тем как наличие в глагольной системе двух простых претеритов, как в южнославянских языках кроме словенского, более или менее сохраняет картину общей аналогии двух видовых систем, их замена сложным претеритом, т.е. новым „перфектом“, как в словенском, а также в восточных и большинстве западных славянских языков, вносит в эту картину полную путаницу. Это показывает уже и хорв.-серб. оппозиция *činio sam₂ : učinio sam₀* как факультативная замена за *činjah/činih : učinih*, причем первый член, т.е. *činio sam₂*, стирает грань между имперфектом и аористом, как в *činjah : činih*, а другой, т.е. *učinio sam₀*, между аористом и перфектом, как в *učinih : učinio sam₁*. С точки зрения тех славянских языков, в которых за неимением простых претеритов такая замена обязательна, данная путаница должна быть гораздо больше⁶³. Так, например, с точки зрения системы русского, чешского или словенского глаголов соотношение, о котором идет речь, представляется в таком виде:

$$\begin{array}{l} \underbrace{\epsilon\pi\omicron\lambda\upsilon\nu : \epsilon\pi\omicron\lambda\eta\sigma\alpha : \pi\epsilon\pi\omicron\lambda\eta\kappa\alpha}_{\text{я делал}_2 : \text{я сделал}_0} \\ d\acute{e}lal\ sem_2 : ud\acute{e}lal\ sem_0 \\ delal\ sem_2 : storil\ sem_0 \end{array}$$

При этом ясно только то, что в греческом имперфект и перфект видо-семантически не соприкасаются, а как соотносятся имперфект и аорист, с одной стороны, или аорист и перфект, с другой, остается скрытым.

Наконец, видовая нейтральность древнегреческого простого футурума, т.е. соотношение $\mu\omicron\tau\eta\sigma\omega, -\epsilon\iota\varsigma = \acute{c}init\ \acute{c}u/uc\acute{i}nit\ \acute{c}u$, представляет собой еще одно расхождение в рамках общей аналогии двух видовых систем⁶⁴. Только в новогреческом языке корре-

⁶³ То же самое относится и к латинскому „аористному“ перфекту в его отношении к славянскому перфективу; ср. М. Кравар, *Pitanja glagolskoga vida u latinskom jeziku* (= *Živa antika. Posebna izdanja*, 6), Skopje, 1980, стр. 134 и сл.

⁶⁴ Общегреч. $\xi\lambda\omega : \sigma\upsilon\lambda\omega$ в смысле „imat $\acute{c}u$ “ : „uzimat $\acute{c}u$ “ и гом. $\delta\acute{\iota}\delta\omega\sigma\omega : \delta\acute{\omicron}\omega\sigma\omega$ в смысле „davati $\acute{c}u$ “ : „dat $\acute{c}u$ “, так же, как и некоторые другие случаи, считаются редкими исключениями; ср. Humbert, Указ. соч., стр. 153, и Schwyzler—Debrunner, Указ. соч., стр. 264 и сл.

ляция распространена последовательно и на сферу будущего, т.е. $\theta\lambda\ \acute{\kappa}\acute{\alpha}\nu\omega : \theta\lambda\ \acute{\kappa}\acute{\alpha}\mu\omega$ в соответствии с хорв.-серб. $\acute{c}init\ \acute{c}i : i\acute{c}init\ \acute{c}i$, что произошло, по-видимому, внутренним развитием через $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega\ \acute{\iota}\nu\alpha$ + конъюнктив⁶⁵.

Что же касается так называемой „ориентации“ или направленности видовой корреляции в двух системах, т.е. вопроса о том, какой из ее членов является маркированным, а какой немаркированным, нам здесь некогда вдаваться в разбор этой тернистой проблемы, которая в науке разрешается по-разному, в частности, по отношению к греческому случаю. Но нельзя, все-таки, умолчать о том, что данные видовые оппозиции, в которых каждый из двух членов обладает собственным набором значений, нам кажутся в обоих случаях скорее эквиолентными чем привативными в ходячем смысле этого термина.

Если при обсуждении греческо-славянского видового соотношения иметь в виду два факта: во-первых, что семантическое ядро корреляции двусторонне в основе тождественно, и, во-вторых, что и элементы ядра, хотя частично и по-разному распределены, в сущности сходны, тогда неудивительно, что две видовые системы, вопреки их различному морфологическому составу, функционируют на синтаксическом уровне явно аналогично. Если же аналогия, как мы видели, выражена больше в обязательных чем в свободных видовых контекстах, и в этом нет ничего необыкновенного, поскольку известно, что при свободном употреблении единиц важную роль играет их выбор в стилистических целях.

*

Данный сопоставительный анализ сущности и объема греческо-славянской видовой аналогии, опирающийся на опыт хорватской переводной практики, позволяет сделать несколько общих выводов.

Несмотря на значительное количество работ, в которых доказывалась или, еще чаще, только допускалась аналогия между греческой и славянской видовыми системами, эта проблема осталась до наших дней в пределах общих суждений. Дело в том, что две системы сравнивались преимущественно не как таковые, а на основе более или менее неполных контекстных данных. Отдельные систематические подходы либо слишком обобщены, либо методологически устарели.

В самом деле, греческо-славянская видовая аналогия как сравнительно-типологический факт проявляется, хотя отчасти и в косвенном виде, как глобальное соотношение между двумя сис-

⁶⁵ Это — явление первых веков нашей эры; ср. Chr. Sandfeld, *Linguistique balkanique*, Paris, 1930, стр. 180 и сл.

темами, т.е. такое, в котором при общем систематическом соответствии имеются и некоторые не менее систематичные расхождения.

Морфологическая сторона этого соотношения, более материальная чем структурная, выражена недостаточно, потому что усложнена глубокими диахронными сдвигами, в то время как видовая семантика двух систем в основном тождественна, сводясь к корреляции „парататического“ и „синтелического“ видов глагольного действия. Это делает возможной высокую степень соответствия на функционально-синтаксическом уровне, т.е. в рамках предложения, где видовые структуры двух систем ведут себя явно, хотя и не без остатка, аналогично.

Основное семантическое соответствие, т.е. совпадение греческих форм презенса и аориста с славянскими несовершенным и совершенным видами, можно проследивать во всех трех планах глагольной системы — временном, модальном и именном —, тогда как главное расхождение обнаруживается в пределах аориста двух языков. Ибо греческий аорист как выражение особого „правда“ совпадает как правило с славянским расчлененным в видовом отношении аористом, покрывая лишь косвенно, хотя и преимущественно, значения совершенного вида, а также и длительный способ действия вида несовершенного, поскольку длительные глаголы, большей частью *imperfectiva tantum* как таковые, в совершенном виде не образуются. Что касается греческого перфекта, он соответствует главным образом славянскому перфекту совершенного вида результативного способа действия.

Видовое соотношение в сфере будущего в двух этапах греческого языка различно: в древнем языке, где простой футурум в отношении вида нейтрален, такого соотношения нет, а в новом оно налицо в вышеупомянутом смысле.

Остальные расхождения между двумя системами на функционально-синтаксическом уровне проявляются в результате или свободного оформления видového данного, или различного стилистического выбора аналогичных видových единиц в целях выразительности.

Принято 30 апреля 1982 г.

ZUSAMMENFASSUNG

M. Kravar: ZUM WESEN DER GRIECHISCH-SLAVISCHEN ASPEKT — ANALOGIE

Ungeachtet einer beträchtlichen Anzahl von Arbeiten, in denen die Analogie zwischen dem griechischen und slavischen Aspektsystem begründet oder — noch öfterer — bloß zugegeben wurde, ist das Problem bis heute in den Grenzen allgemeiner Urteile geblieben. Die beiden Systeme wurden nämlich vorwiegend nicht als solche, sondern auf Grund von mehr oder weniger unvollständigen Kontextangaben

verglichen. Einzelne systematische Zugänge sind entweder allzu veralgemeinert oder methodologisch veraltet.

In der Tat ist die griechisch-slavische Aspektanalogie als typologisch-vergleichende Tatsache ein globales Verhältnis zwischen den beiden Systemen, d.h. ein solches, in dem bei allgemeiner Übereinstimmung auch einige ebenso systematische Unterschiede festzustellen sind.

Im obigen Aufsatz wird die Analogie der beiden Aspektsysteme in Anlehnung an die Erfahrung der kroatischen Übersetzungspraxis untersucht.

Die morphologische Seite dieses Verhältnisses, die eher durch den Stoff als durch die Struktur der Einheiten bestimmt wird, ist ungenügend ausgeprägt, weil sie durch diachronische Wandel verwickelt ist, während die Aspektsemantik auf den beiden Seiten im wesentlichen die gleiche ist, indem sie sich zur Opposition zwischen dem „paratatischen“ und „syntetischen“ Aspekt des Verbalvorganges zurückführt. Dies ermöglicht eine hohe Stufe von Übereinstimmung auf der funktionell-syntaktischen Ebene, d.h. innerhalb des Satzes, wo sich die Aspektstrukturen der beiden Systeme offenbar, obwohl nicht restlos, analogisch verhalten.

Die allgemeine semantische Übereinstimmung, d.h. das Entsprechen der griechischen Präsens- und Aoristformen dem slavischen Imperfektiven bzw. perfektiven Aspekt, kann in allen drei Bereichen des Verbalsystems — dem temporalen, modalen und nominalen — verfolgt werden. Der Hauptunterschied geht den Aorist der beiden Sprachen an, wobei der griechische Aorist als Ausdruck eines der „Uraspekte“ grundsätzlich mit dem slavischen aspektmäßig gegliederten Aorist zusammenfällt und dadurch mittelbar nicht nur den slavischen perfektiven, sondern auch die durative Aktionsart des imperfektiven Aspekts, deckt, die als Eigenschaft von *imperfectiva tantum* perfektiv meistens nicht gebildet wird. Was das griechische Perfekt betrifft, so entspricht es dem slavischen Perfekt von perfektiven Verben resultativer Aktionsart.

Das Aspektverhältnis im Bereiche des einfachen Futurums ist in den beiden Etappen des Griechischen verschieden: Im Falle der alten Sprache, wo diese Form aspektneutral ist, besteht es nicht und in dem der neuen, wo sie aspektmäßig gegliedert ist, erscheint es im oben angegebenen Sinne.

Die übrigen Unterschiede zwischen den beiden Systemen auf der funktionell-syntaktischen Ebene sind Ergebnisse einer freien Gestaltung der Aspektangabe oder einer verschiedenen stilistischen Wahl von analogen Aspektformen zu expressiven Zwecken.